

* * *

Разорвется цепочка примет —
колесо убежит от телеги,
и от яблони яблока след
уведет через холмы и бреги.

Достигай же заветных вершин,
отрицай и клейми постоянство!
Ветер стойкость твою сокрушил
и оставил пустое пространство.

Ты еще не родился на свет,
и с тобой ничего не случилось...
Ах, как пенится яблони цвет!
Как пчела по цветку истомилась!

* * *

Во тьме несбыточных событий,
во лжи неслыханных щедрот,
сизжу, перебираю нити,
найти собирая мед.

Плету словесные корзины
под небывалые грибы,
пока умы ломают спины,
причины — подпирают лбы,

пока толкутся экивоки,
не зная горя и труда,
пока зима, нарушив сроки,
роняет свечи изо льда.

Пока вода в кипучей страсти
жгуты свивает в полынью,
и все события, как счастье,
лежат в фарфоровой свинье.

ОЗЕРО

Какая в озере вода!
Уже осенняя, погасшая.
Она чиста, как сон дрозда,
и ни о чьих слезах не спрашивает.

Как это озеро стоит!
Туманом легким омоложено.
Оно над травами царит
и над листвою последней сброшенной.

Какая в озере вода!
Усыновляющая, тихая.
В ней отражается звезда,
и пузырьки молчанья тикают...

КОЛОДЕЦ

Осень листья колотит —
мир в сплошной желтизне.
Деревенский колодец,
плеск воды в глубине.

Наклоняюсь над мрачной
и сырой темнотой,
там, внизу — свет прозрачный
и чуть-чуть золотой.

До головокруженья —
крут бревенчатый сруб.
Там, внизу — отраженья
крыш железных и труб.

Там небесные дали,
там былое Вчера.
Глубь колодца впадает
в высь колодца-двора.

И связует два мира
древо-каменный сруб,
два разнящихся мига,
как два выдоха с губ.

* * *

Я поздно вышел на дорогу —
уже небесный жар остыл,
и ветер колкую осоку
в канавах темных шевелил.

Костер с реки, живой и грешный,
дразнил и тешил ходака,
но уходили в сон крошечный
поврозь — дорога и река.

Я к дому шел путем окружным
с бесславной удочкой в руке.
И ложка стучалась о кружку
в моем походном рюкзаке.

* * *

Все когда-нибудь случится.
пусть не к месту, пусть не в срок.
Не журавель, так синица,
не на юг, так на восток.

Не пешком, так на подводе,
не в любви, так в тоске.
При какой-нибудь погоде,
на какой-нибудь версте.

Не приветят, так прикажут,
не прилюдно, так тайком.
И вослед тебе помашут
не платком, так кулаком.

Ты одна на белом свете,
я — один в крошечной тьме.
Между нами только ветви,
присягнувшие зиме.

Да еще морозный воздух,
льдом сковавший корабли,
да еще тоска о веснах,
что с годами утекли.

* * *

Еще не сломаны ключи,
еще не заперты колодцы.
Откроешь створки и — молчи,
пока поток чудесный льется.

Еще возможно заглянуть
и воскресить — и свет, и тени.

И к колыбели протянуть
дрожащей памяти ступени.

Еще картинок хоровод,
хоть зыбок, но подвластен свету,
как будто кто-то воду льет,
и я гляжу сквозь воду эту.

И вижу листья, вижу сад,
канал с чугунными мостами.
И дом — облупленный фасад,
и двор — источенный дождями.

* * *

Все — вопросы, и все — без ответа...
Чем томишься, несбыточный ум?
Голова разболелась от ветра,
от дурных нефилтрованных дум.

Знать бы, чем успокоит дорога,
знать бы, где сердце радость совет?..
Состояние духа — убого.
Состояние счета — не в счет!

Скоро грянет, а где — не измыслю,
скоро рухнет, а что — не пойму.
Как по радуге, по коромыслу
улетят мои ведра во тьму!

* * *

Зима приходит в дом
и сердце твое студит,
и ледяным клеймом
клеймит тебя и судит.

И ты стоишь без сил,
под вихрем снежной пыли,
ты помнишь, что любил,
и что тебя любили.

Зиме не прекословь,
ты слышишь шорох грозный?
То — замерзает кровь
в своих подземных гнездах

То — в памяти твоей,
незримо рвутся звенья.
Все злей и холодней
зимы проникновенье.

У жизни на краю
стоишь, обезголосев,
а снег любовь твою
заносит и заносит.